

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrsu.ru>

№ 1(1). Декабрь, 2013

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrsu.ru
<https://sthb.petrsu.ru>

УДК 327:94(47+485)"16"

Честь покойного монарха как предмет дипломатического спора: эпизод из истории российско-шведских отношений XVII в.

ТОЛСТИКОВ
Александр
Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории стран Северной Европы,
Петрозаводский государственный университет,
исторический факультет,
Петрозаводск, a_tolstikov@mail.ru

Ключевые слова:

Россия
Швеция
XVII век
дипломатия
споры о титулах

Аннотация:

В статье рассматривается один из аспектов проблемы титулов в отношениях между Россией и Швецией в 1640—1650-е гг. — спор о правомерности употребления формулы «блаженные памяти» (*Sahlig uthi åminnelse*) в официальной документации только при упоминании усопших православных царей (в данном случае — Михаила Федоровича). Наставившие на этом российские дипломаты допускали использование по отношению к покойным шведским правителям (Густаву II Адольфу) лишь калькированных формул «высокославные памяти» (*Högloflig uthi åminnelse*) либо «славы достоинеиши памяти» (*Glorwärdigst uthi åminnelse*). Прослежен ход переговоров и проанализированы стратегии аргументации обеих сторон. Показано, что в то время как русские стремились всеми способами закрепить символическое превосходство своих монархов и тем самым утвердить их исключительное право на посмертное вечное блаженство, стратегия шведов, прежде всего, состояла в отстаивании формального равноправия в отношениях с восточным соседом.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Систематическое изучение истории титулов московских государей было начато еще А. Б. Лакиером в 1840-х гг. [39]. Оно несколько приостановилось в советский период, поскольку, по понятным причинам, оказалось на периферии исследовательского интереса, что, впрочем, не означает отсутствия специальных работ по соответствующей проблематике, хотя они и создавались по большей части (хотя и не исключительно) за пределами СССР¹. В последние же 15—20 лет эта тема переживает настоящий ренессанс и вновь привлекает активное внимание исследователей². Очевидно, анализ изменений в титулатуре, а также рассмотрение перипетий дипломатических споров по поводу титулов и связанных с ними деталей словесного этикета вообще позволяет пролить свет на особенности российской политической культуры, особенно в эпоху Московского государства.

В настоящей статье³ речь пойдет о российско-шведском дипломатическом споре 1640-х гг., возникшем во время переговоров о подтверждении Столбовского мирного договора (1617 г.) после восшествия на престол Алексея Михайловича. Спор касался правомерности употребления в официальных документах выражения «блаженные памяти» по отношению к покойным монархам — отцам нового российского царя и шведской королевы Кристины: Михаилу Федоровичу и Густаву II

Адольфу. Несмотря на то что этот сюжет может показаться маргинальным, он, на мой взгляд, весьма любопытен как пример столкновения двух фундаментально различных дипломатических стратегий, различных политических логик.

Все, по-видимому, началось с грамоты Алексея Михайловича, адресованной королеве Кристине и датированной 19 августа 1645 г.: в тексте Михаил Федорович последовательно именуется «блаженным отцом нашим», а Густав Адольф — «отцом вашим славные (или великославные) памяти»⁴. Эта тонкость не осталась незамеченной в Стокгольме. В ответном послании от имени королевы, датированном 12 декабря 1645 г., «блаженным» (шв. *Sahlig*) назван везде только Густав Адольф, в отношении же Михаила Федоровича — либо обоих монархов разом — используется выражение «высокославные памяти» (шв. *Högloflig uthi åminnelse*)⁵.

Собственно спор по указанному поводу разгорелся в 1646 г., когда в Стокгольм прибыло российское посольство во главе с Григорием Гавриловичем Пушкиным, привезшее подтвержденную грамоту от Алексея Михайловича на Столбовский договор⁶. В первых числах июня при сверке «образцов» текста ратификационной грамоты от имени королевы Кристины — привезенного послами и представленного «свейскими думными людьми» — выяснилось, что у обеих сторон имеются претензии друг к другу относительно написания монарших титулов. Послы возмутились тем, что в шведском тексте Михаил Федорович не назван «царем и всеа Руси самодержцем» и «имянованье» Алексея Михайловича «писано попросту коротким обычаем, а великим государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Руси самодержцем нигде не написано». При этом Густав Адольф «написан с повышенением»⁷. Как пояснили послы, «Густаву Адолфу королю в образцовом списке не написано велеможства, и в то место написано высокославные памяти, а вы прибавляете сверх мирного договору и вечного докончанья блаженное второе...»⁸.

В ответ шведы указали на аналогичные особенности русского варианта: «...в образцовом де вашем списку, какове быть королевине грамоте, государя их велеможнейшего Густава Адолфа короля свейского и иных его королевского величества имянованье во всех статьях писано с умаленьем; велеможнейшим и свейским и иных нигде не написано, а государя де вашего блаженное памяти⁹ великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца его царского величества имянованье писано с повышенением: великий государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси самодержец, а государя де их славные памяти Густава Адолфа короля во всех статьях велеможество и свейской и иных прописано...» Кроме того, в паре с полным титулом Алексея Михайловича часто используется краткий титул Кристины. Все это нарушает паритет в отношениях между двумя государствами [3; 341—342]¹⁰.

Таким образом, позиция шведской стороны обуславливала стремлением дать «симметричный ответ». И именно поэтому в шведском варианте ратификационной грамоты по отношению к Густаву Адольфу была употреблена формула «блаженные памяти». Как заявил царским послам секретарь Юхан Монссон, «государыня де ж их королева ставит в великое подивление, что великого государя вашего блаженные памяти пишут блаженною памятью, а отца де ее Густава короля пишут высокославною памятью. И королева де о том з думными своими людьми говорила, чтоб отца ее Густава короля писать против государя вашего блаженною памятью» [3; 348].

Однако послы, ссылаясь на предшествующую практику, отказывались использовать это выражение по отношению к покойному королю. По их словам, такое словоупотребление оскорбляет царскую честь, его «государское достоинство». Не соглашались они и на предложение именовать как Густава Адольфа, так и Михаила Федоровича «великославной памяти великими государствами» [3; 595 об. — 600].

Шведы не без оснований усматривали в действиях российской стороны нарушение принципа паритета в дипломатических отношениях и тоже не желали уступать. Когда 11 июня русский и шведский переводчики занялись сверкой текстов очередного варианта грамоты, обнаружилось, что в шведском тексте в отношении Михаила Федоровича употреблена формула «великославные памяти», «а блаженные памяти во всех статьях почернено» [3; 636]. Последовал обмен прежними аргументами. В итоге послы пообещали «донести» царю, что шведская сторона недовольна «умаленьем» титула покойного короля, а секретарь Ю. Монссон сказал, что «привел» королеву к тому, чтобы Михаил Федорович был назван в шведской ратификационной грамоте «блаженной памяти великим государем» [3; 649 об. — 650].

Однако, как оказалось, той же чести удостоился и Густав Адольф: в грамоте от имени Кристины он именуется «высокопочтенным блаженным государем отцом славы достоинейшим памяти» (*Högstähradhe Salige Herr Fader glorwärdigst uthi åminnelse*), а Михаил Федорович — «вашего царского

величества государем отцом блаженnoи памяти»¹¹. Таким образом, в этот раз шведской стороне удалось добиться соблюдения формального равенства обоих монархов.

С возвращавшимися в Москву послами было также отправлено датированное 30 июня письмо Кристины, в котором выражается недовольство отсутствием формального паритета при параллельном употреблении титулов шведских и российских монархов («...меньши титлы неровно писаны»), но в то же время высказывается мнение, «что то учинилося больше просмотреньем в его царского величества приказе, нежели нарочно или умыслом». Формула «блаженные памяти» (в том числе и вместе с формулой «высокославные памяти») в тексте письма употреблена по отношению как к Михаилу Федоровичу, так и к Густаву Адольфу¹².

Но конфликт не был исчерпан. Во время очередных переговоров в Москве в сентябре — ноябре 1647 г. (шведское посольство возглавлял Эрик Юлленшерн)¹³ шведам стало абсолютно ясно, что для российской стороны речь идет об особом статусе царей, который отнюдь не предполагает «терминологического паритета». Российские дипломаты настаивали на том, что выражение «блаженные памяти» может употребляться только по отношению к усопшим царям. Свою позицию они по-прежнему аргументировали существовавшим обычаем¹⁴, однако переводчик посольского приказа Вольф Якобссон («Ульф Яковлев») в частной беседе (25 октября) сообщил шведским послам, что «это... было бы против их [русских] религии и совести — назвать отца ее королевского величества или кого-либо, исповедующего другую религию, блаженным» [19].

В ответ шведы не только постарались доказать, что Густав Адольф и раньше именовался «блаженным» в документах, принимавшихся российскими властями без возражений, но и отметили, что «его королевское величество исповедовал истинную христианскую веру, жил в этом мире по-христиански и похвально и затем во имя Господне блаженно и заслуженно почил; так что ни один христианин не может и не должен сомневаться в его королевского величества блаженстве, поскольку также ни один человек не должен осуждать другого» [8; 157—158], [25; 91]. То есть шведы всегда были готовы назвать Михаила Федоровича «блаженным» и тем самым признать его праведным христианином.

Русские, со своей стороны, попытались убедить шведов в том, что использование по отношению к усопшим царям выражения «блаженной памяти» не является признаком более высокого достоинства российских самодержцев. Как сообщается в отчете шведских послов, думный дьяк Назарий Чистой, даже заявил в ходе одной из встреч (27 октября), что по-русски «блаженный» (*blasen*) означает «божьего человека, который отказался от всех мирских забот, ходит меж людей почти нагой и босой; он не нищенствует, но принимает то, что другие соизволят подать ему; и то, что каждый получает сверх самого необходимого для поддержания своей жизни, делит среди других бедняков; сидит всегда возле церкви и днем и ночью молит Бога за страну...» [19]. Очевидно, российская сторона была готова любым способом добиться сохранения указанного различия в употреблении титулов усопших монархов. Неоднократно предлагавшееся шведами решение вопроса на основе полного отказа от использования выражения «блаженные памяти» постоянно отвергалось русскими.

В тексте грамоты, врученной шведским послам по окончании переговоров 1647 г., Густав Адольф именуется только великим государем «великославные памяти», а формула «блаженные памяти» употребляется исключительно по отношению к Михаилу Федоровичу. Как выясняется из статейного списка российских послов во главе с Борисом Ивановичем Пушкиным — которые в 1649 г. в Стокгольме тоже немало времени потратили на споры со «свейскими думными людьми» по поводу титулов (см. ниже), — шведы в 1647 г. не хотели принимать это «ответное письмо», где по-прежнему не соблюдался паритет при титуловании усопших монархов Швеции и России. Но после «справки» с продемонстрированным русскими экземпляром «вечного докончанья» шведские послы все-таки приняли грамоту. Один из участников этого посольства в Москву, Ларс Кантерстен (вызванный во время стокгольмских переговоров риксканцлером Акселем Оксеншерной специально для того, чтобы он рассказал, как было дело в Москве двумя годами ранее) заявил, что тогда они были русскими «приневолены»¹⁵.

В 1649 г. спор разгорелся с новой силой. Российское посольство во главе с Б. И. Пушкиным обычно связывают в первую очередь с заключением договора о перебежчиках¹⁶. Хотя формально с российской стороны «начальным главным делом», ради которого послы прибыли в Стокгольм, был вопрос об «умалении» царского титула: в тексте завершившего Тридцатилетнюю войну договора со Священной Римской империей и в новом шведском Таможенном уставе, которые были напечатаны в Швеции, царь именовался всего лишь «великим князем»¹⁷. Таким образом, проблема титулов с самого начала играла важную роль на переговорах 1649 г.

Здесь не место излагать все перипетии спора вокруг «умаленья» царского титула в «свейских

печатных письмах». В конечном итоге шведам удалось убедить русских в том, что изменить текст договора с империей невозможно, поскольку он уже окончательно утвержден и для внесения каких бы то ни было дополнений и исправлений пришлось бы вновь собирать за одним столом дипломатов всех заинтересованных сторон. Что касается Таможенного устава, то шведы пообещали изменить текст в тех экземплярах издания, которые удастся «сыскать»¹⁸. Для нас в данном случае важно то, что именно в ходе споров по этому поводу вновь «всплыл» вопрос об употреблении формулы «блаженные памяти»¹⁹.

Ознакомившись с претензиями русских по поводу именования царя «великим князем» в «печатных листах», шведы постарались не ограничиться объяснениями своей позиции, а ответить ударом на удар: в письме от 18 июня «свейские думные люди» отметили, что в документах с российской стороны титул королевы тоже нередко искажается или «умаляется» [4; 99–99 об.]. Густав Адольф и Михаил Федорович в этом шведском послании названы «великими государьми высокославные памяти» [4; 96]²⁰.

Данное выражение встречается в тексте письма лишь один раз, но на него моментально отреагировали российские послы. Подьячему Василию Старого, отправленному 20 июня к шведским переговорщикам, было велено, между прочим, заявить: «И в том ответном письме написано не против того, как годно писати обоих великих государеи; блаженные памяти великии государь наш царь и великии князь Михаило Федорович всеа Руси самодержец его царьское величество написан просто, блаженные памяти в начале не написано, а великии государь ваш написан высокославные памяти велеможнеишии и высокорожденныи князь Густаф Адолф король свейской его королевское величество. И блаженные памяти великому государю нашему его царскому величеству написано перед тем его государскому имяни с умаленьем» [4; 103–103 об.].

С этого момента и до самого окончания переговоров стороны периодически возвращались к обсуждению данного вопроса. Уступать никто не хотел. То и дело послы протестовали против употребления в представленных шведами документах формулы «блаженные памяти» по отношению к Густаву Адольфу. Обе стороны апеллировали к прецедентам: шведы напоминали о письме Кристины, отправленном Алексею Михайловичу в 1646 г. с посольством Г. Г. Пушкина, русские — об ответе, полученном в 1647 г. в Москве посольством Э. Юлленшерны (см. выше). Ссылались на Столбовский договор, однако выяснилось, что если в «посолской договорной росписи свейских послов» и в ратификационной грамоте Густава Адольфа, как заявляли шведы, усопшие к тому времени монархи — и российские, и шведские — именуются «блаженной памяти великими государями», то, по словам русских, у них в текстах договорной записи и подтвержденной грамоты Михаила Федоровича эта формула применяется исключительно по отношению к царям [4; 121–122, 162 об. — 164 об., 462 об. — 467].

Здесь действительно имела место некоторая неточность перевода. В списках договорной записи российских послов Иван Васильевич и Федор Иванович, а также Борис Годунов, нередко называются «блаженные и высокославные памяти великими государями», шведские усопшие монархи — лишь государями «высокославные памяти» [1; 21 об. — 22, 32, 41–41 об.]. При этом в русских переводах шведской договорной записи сначала по отношению к одному Карлу IX, а затем по отношению к нему же вместе с Юханом III употреблено выражение «крестьянские и высокославные памяти» [1; 81–81 об., 118–119]. Но в оригинальном шведском тексте только в первом случае на самом деле написано «christeligh och höghlåfflig i åminnelse», во втором же — «salige och höglofflige i åmminnelse», т. е. не «крестьянские», а именно «блаженные и высокославные памяти» [27; 242, 255–256]. Чем бы ни была вызвана указанная неточность, можно, по-видимому, констатировать, что русские и в 1617 г. избегали упоминаний о «блаженстве» шведских королей.

Заметим, однако, что, с другой стороны, не менее часто в Столбовском договоре покойные монархи обеих стран именуются просто «прежними бывшими великими государями» [1; 5–5 об., 83 об., 84 об. — 85]. То есть отсутствие формулы «блаженные памяти» при упоминании покойных царей, видимо, не считалось в 1617 г. «умаленьем» царского «имянованья». Между тем, когда в сентябре 1649 г. российские послы получили от «свейских думных людей» письмо, в котором говорилось о «бывшем великому государе царе и великому князе Михаиле Федоровиче всеа Руси самодержце», они поспешили выразить свой протест по этому поводу: «...в том ответном письме написано непопригожу... в начале к его государскому имянованию блаженные памяти не написано... [4; 635, 641–641 об.].

На стокгольмских переговорах опять возник вопрос о религиозной подоплеке позиции русских. Шведская сторона напрямую связывала отказ именовать Густава Адольфа «блаженные памяти великим государем» с отношением православных к протестантам и вообще к иноверцам. Так, 3 июля шведы заявили, что «оны де думные люди почтят их [русских] православными христианами, а толко де будет и они их почтят христианы ж, и христианских де обоих великих государей, как великого государя

вашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца, так и велеможного государя их Густава Адолфа короля свеиского, надобного писать блаженною памятью, а во всех де христианских государствах ведетца так не tolко что великих государеи цареи или королеи христианских от жития сего отшедших имянуют блаженными, но и простых людеи во християнстве от жития сего отшедших называют блаженными, и в том де слове, что писати блаженным, государской чести повышенья и умаленья никакова не будет; а по указу де королевина величества им думным людем велено с ними царского величества великими послы говорити о том, чтоб они писали их велеможного государя Густава Адолфа короля против того, как они пишут великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца блаженною памятью для того, ведомо де королевину величеству учинилось от московские печатные книги, что в тои на их веру напечатана укоризна большая²¹, и королевино величество хочет про то ведать подлинно, как они их почитают, християны ли их называют или нехристияны». В ответ «послы говорили, что они нехристияны их [шведов] не называют, а присланы... не о вере говорить» [4; 172—173]²².

Однако в первую очередь шведская сторона апеллировала к необходимости соблюдать принцип равенства в отношениях сторон. Например, в ходе встречи 4 сентября «свойские думные люди» заявили, что не согласятся на то, «чтоб царского величества имянованье увысить, а королевина величества имя унизить, и тому де николи не бывать, чтоб ровные чести не писать» [4; 591 об.]. 20 октября шведский секретарь «Петр Коет» говорил послам: «...в вечном докончанье написано, что обоим великим государем друг другу лучшего искати, и то де лучче, что обоим великим государем ровная честь воздават». Однако послы на это ответили, «что сверх тое чести, которая написана в вечном докончанье государю их королевскому величеству, учинити им царского величества великим послом не мочно, потому что то вечное докончанье обои великие государи душами своими крестным целованьем закрепили; и tolко что мимо того вечного докончанья прибавить или убавить, и тем на их государские души навести грех» [4; 901 об. — 902].

Возможно, шведская и российская стороны вообще по-разному воспринимали проблему титулов как таковую. В самом начале переговоров, в июне 1649 г., королева в личном письме (за ее собственноручной подписью, но без «приписей» «думных людей») упрекала послов за то, что они «те ненадобные споры о титлах учали вчинать», тогда как «есть такие и опричь того иные и болши печали...» [4; 147 об. — 148 об.]. (Послы, разумеется, заявили в ответ, что «то великое дело о государской чести о титлах» назвать «ненадобным спором» может лишь тот, «хто ищет меж великими государи нелюбье и недружбу чинити...» [4; 158].)

Следует иметь в виду, что к середине XVII в. у Швеции был опыт разрешения титулатурного спора со своим извечным противником — Данией — на принципах, которые едва ли могли бы быть в то время применены в отношениях с Россией. По Кнередскому миру 1613 г. Густав Адольф и его потомки получили право на упоминание в своем титуле северной области Норланд и живущих там лопарей-саамов — с тем, однако, условием, что это не будет рассматриваться как выражение притязаний шведской короны на власть над лопарями, проживающими в северных областях Норвегии и являющимися подданными датского короля. То есть соглашение определяло не возможность или невозможность употребления титула, а то, каким образом этот титул нужно трактовать. Тем же самым договором датскому монарху позволялось использовать в государственном гербе три короны — традиционный символ Швеции (он сохранялся в датском гербе с эпохи Кальмарской унии 1397—1523 гг., объединявшей все три скандинавских государства). И в этом случае для улаживания спора оказалось достаточным договориться о том, что само по себе использование герба с тремя коронами не означает наличия у короля Дании претензий на Швецию [56; 104, 170—171].

Поскольку российские переговорщики всегда придавали огромное значение букве договора и проявляли чрезвычайную чувствительность к нюансам оформления дипломатических документов, разрешение титулатурного спора подобным способом кажется невероятным в контексте российско-шведских отношений середины XVII в. В то же время стоит подчеркнуть, что наличие нерешенных проблем и взаимных претензий не мешало российским и шведским дипломатам достигать соглашений друг с другом.

Вопрос об использовании в официальных документах формулы «блаженные памяти» напрямую не увязывался российской стороной с решением проблемы перебежчиков, которую шведы всегда рассматривали как приоритетную. Напомним также, что и в заявлении как «главное начальное дело» вопросе об исправлении царского титула в «свойских печатных листах» послы добились удовлетворения лишь части своих требований. Последний, выражаясь современным языком, обмен дипломатическими нотами по поводу употребления формулы «блаженные памяти» произошел уже после заключения 19

октября договора о перебежчиках²³. 20 октября российские послы вернули шведам письма «о обидных делах» от 6 сентября и 17 октября, потребовав исправить в них «имянованье» Михаила Федоровича [4; 890 об. — 96 об.]. Не отреагировать на «умаленье» царского титула послы не могли, но предпочли сделать это после того, как было достигнуто соглашение. В ходе очередной дискуссии стороны повторили старые аргументы. Шведы (в письме от 22 октября) вновь заявили, что усопшие цари будут названы «блаженные памяти великими государями», только если русские начнут использовать ту же формулу в отношении Густава Адольфа [4; 896 об. — 906 об., 920—923 об., 925—925 об.]. Ответа от послов не последовало.

Больше об этой проблеме в материалах посольства Б. И. Пушкина не упоминается. 25 октября послы покинули Стокгольм. Стороны остались каждая при своем мнении. Никаких дополнительных соглашений относительно использования титулов, несмотря на предложения шведов, заключено не было.

Трудно сказать, продолжался ли данный спор открыто после 1650 г. Я не нашел в источниках соответствующих свидетельств. Однако не приходится сомневаться, что отмеченная тонкость в употреблении формул «блаженные памяти» и «высокославные памяти» сохраняла свое значение и на нее обращали внимание. Ярким примером в этом отношении является текст грамоты Карла X Густава от 30 июня 1655 г. с подтверждением Столбовского договора. Михаил Федорович здесь везде последовательно именуется «*Sahlig uthi åminnelße*», а Густав II Адольф — «*glorwärdigst uthi åminnelße*» либо «*Högloflig uthi åminnelße*», но притом с добавлением (правда, не абсолютно во всех случаях, но в их подавляющем большинстве) «*wår (Högstährade/Kongl. Maij:tz) Sahlige Morbroder*», т. е. «наш (высокопочтенный / королевского величества) блаженный дядя»²⁴, точно как в процитированной выше грамоте королевы Кристины 1646 г. (см. сноску 11) [12]. То есть о «блаженстве» Густава Адольфа все же упоминается.

Кроме того, вообще в материалах переговоров середины 1650-х гг. Михаил Федорович упоминается в шведских оригиналах обычно только как «*högloflig i åminnelse*» (либо вообще без этой формулы), причем в русских переводах указанное выражение везде аккуратно передается как «высокославные памяти». С другой стороны, естественно, в подготовленных российскими дипломатами документах по отношению к покойному отцу Алексея Михайловича используются исключительно слова «блаженные памяти» [7; 11, 28, 29, 33, 43, 73]. В общем, отмеченные расхождения в формулировках никуда не исчезли, но признаков открытого спора, каких-то протестов с той или иной стороны именно по этому поводу в документах 1650-х гг. не обнаружено.

Правда, в тот период для шведских и российских дипломатов гораздо актуальнее и важнее была иная, более острая титулатурная проблема — расширение титула Алексея Михайловича в связи с территориальными приобретениями в результате войны с Речью Посполитой. Одним из камней преткновения в этом споре — но не единственным! — было появление в царском титуле слов «и Белая Россия / России»²⁵. В тех условиях, вероятно, вопрос о том, как упоминать в официальных документах усопших монархов, отступил на второй или даже третий план.

Но вот в шведском переводе грамоты российских послов от 5 апреля 1662 г. по отношению к Михаилу Федоровичу везде употреблено выражение «*högloflig i åminnelse*» [20; 139v], тогда как в русском тексте в соответствующих местах стоят слова «блаженные памяти» [21]. Видимо, мы не слишком ошибемся, если предположим, что к 1662 г. вопрос так или иначе потерял свою былую актуальность. По крайней мере, шведский переводчик, судя по всему, не видел здесь проблемы и переводил свободно.

Возможно, свою роль здесь сыграла 2-я статья нового (заменившего прежний Столбовский), Кардисского договора между Россией и Швецией (1661 г.). По ней признание титулов, используемых каждой из сторон, должно было стать автоматическим [26; Ajv], [6; 535], [16]. Характерно, что как раз на положения этого договора и предшествовавшего ему Валиесарского перемирия (1658 г.), где уже содержалась соответствующая норма [6; 470], [13], [14], [15]²⁶, сослался в вопросе о титулах российского и шведского монархов Григорий Котошихин — знаменитый автор самого подробного и авторитетного из дошедших до нас комментариев современников относительно практики написания титулов в московском Посольском приказе: «Зри против того в Валиесарском и в Кардиском договорех: чтоб обоих великих государей титлы, с обе стороны, воздаваны были по их государскому достоинству, как они сами себя описуют» [5; 38].

И тем не менее рассмотренная традиция, несмотря на некоторые отступления от нее, не ушла окончательно в прошлое, хотя, кажется, уже не становилась предметом дипломатических споров. Так, в ратификационной грамоте Карла XII от 1 февраля 1699 г. с подтверждением Кардисского и Плюсского

(1666 г.) договоров про умерших к тому времени Карла XI и Алексея Михайловича сказано соответственно «Glorwijrdigst i åminnelse» и «Högläflig i åminnelse» [17]. Казалось бы, тема закрыта. Однако в аналогичной грамоте Петра от 20 ноября того же года по отношению к покойному шведскому королю последовательно используются лишь слова «высокославные памяти», тогда как по отношению к Алексею Михайловичу — во всех случаях — «блаженные памяти» [18].

Таким образом, в рассмотренном нами дипломатическом споре второй половины 1640-х гг. о том, в какой форме следует воздавать честь покойным монархам России и Швеции, стратегия российской стороны была направлена на утверждение символического превосходства царей над шведскими королями. Поэтому было важно создать соответствующий прецедент, который впоследствии мог быть использован уже в качестве аргумента. Притом что шведские дипломаты хорошо понимали правила этой игры, их стратегия все же состояла в отстаивании формального равноправия, паритета в отношениях с восточным соседом.

Отмечу также в заключение «несимметричность» восприятия обеими сторонами вероисповедания друг друга: шведы были готовы без долгих обсуждений и раздумий признать в официальной переписке за православным царем равные с лютеранским королем шансы на вечное блаженство (хотя богословские претензии лютеран к православным, конечно, оставались в силе), в то время как, с точки зрения русских дипломатов, признание такого равенства православного и лютеранского государей перед лицом Господа могло представляться проблемой.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь необходимо прежде всего отметить исследования В. Водова, А. Поппэ и М. Шефтеля, а также Г. Алефа, Дж. Джираудо, Г. Штёкля (см. ссылки на статьи всех перечисленных авторов в: [49; 6–7, 58–59, 63–64], И. Й. Илиевой [35] и др. Наиболее известные тексты Г. Алефа и В. Водова (в русском переводе) плюс принципиально важные с точки зрения изучения титулатуры работы историка-эмигранта А. В. Соловьёва (об эволюции терминов «Великая Русь», «Малая Русь» и «Белая Русь») и А. Золтана (об истории русского термина «государь») были сравнительно недавно переизданы: [31], [32], [33], [34], [47].

[2] См. в первую очередь первое в историографии монографическое исследование А. И. Филюшкина по истории титулатуры российских правителей (до XVI в. включительно): [49]. Там же см. литературу вопроса. В дополнение к указанным в монографии А. И. Филюшкина работам отмечу также публикации: [29], [30], [37], [40], [42], [43], [44], [45], [46], [53].

[3] Предварительные выводы данного исследования были ранее опубликованы в виде тезисов: [46].

[4] См. список грамоты: [2; 28–37 об.].

[5] Шв. текст: [28; 1–5]; рус. пер.: [2; 52–62].

[6] См. об этих переговорах: [51; 369–370]. О торговых аспектах: [54; 90–97]. Оригинал привезенной послами ратификационной грамоты Алексея Михайловича хранится в Государственном архиве Швеции [10].

[7] См. «отписку» послов, отправленную ими в Москву по прибытии в Печоры 21 июля (список): [3; 338–338 об., 339 об.].

[8] См. список статейного списка: [3; 560].

[9] Любопытно отметить, что даже при пересказе речи шведских переговорщиков (но, конечно, не в переводе грамот) послы, как правило, использовали по отношению к покойному российскому царю выражение «блаженной памяти», а по отношению к королю Густаву Адольфу — «высокославной памяти». Точно так же обстоит дело и в материалах других российских посольств, рассматриваемых

ниже.

[10] В привезенном послами из Москвы «образце» ратификационной грамоты от имени Кристины (см. список: [3; 210—236]) шведская королева действительно именуется полным титулом реже, чем Алексей Михайлович.

[11] Шв. текст: [28; 16—23]; рус. пер.: [3; 751—768 об.].

[12] См. рус. пер.: [3; 782—787].

[13] См. об этих переговорах: [52; 506—508]. О торговых аспектах: [54; 97—106].

[14] Вопрос о титуле был поднят 23 октября. См.: [19].

[15] См. список статейного списка: [4; 169—171 об., а также 467—470, 903—904].

[16] Об этих переговорах см.: [36]. О торговых аспектах: [54; 107—120].

[17] См. список наказа послам: [4; 51—55 об.].

[18] См. список статейного списка: [4; 175 об. — 176, 179 об. — 180 об., 200 об. — 201, 859 об. — 862, 925 об. — 926].

[19] Излишне напоминать, что в материалах российского посольства Густав Адольф с самого начала и систематически именуется максимум «высокославные памяти» государем (если только речь не идет о переводе шведских грамот).

[20] В тексте буквально говорится о договоре между «обоими великими государи высокославные памяти велеможнейшего высокорожденного князи и государя Густава Адольфа короля Свеиского его королевского величества и великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца его царского величества...». Судя по всему, выражение «высокославные памяти» здесь относится к обоим монархам. Однако российские послы восприняли эту формулу как относящуюся к одному лишь Густаву Адольфу (см. ниже).

[21] Речь в данном случае идет о так называемой «Кирилловой книге» (по имени Кирилла Иерусалимского, которому приписывалось авторство). В окончательном своем виде она возникла в обстановке прений о вере, связанных с известными переговорами о браке датского принца Вальдемара и дочери Михаила Федоровича Ирины. «Кириллова книга» содержала отрывки из православных полемических сочинений и была опубликована в Москве в 1644 г. См. о ней и обстоятельствах ее создания: [41; 212—243]. Там же см. ссылки на литературу об этих российско-датских переговорах и прениях о вере.

[22] См. также [22]. Свой протест по поводу «Кирилловой книги» шведы выражали повторно 20 и 22 октября: [4; 918об. — 920, 926—927], [23]. Кроме того, см. в публикации К. И. Якубова, который издал ряд фрагментов статейного списка посольства 1649 г.: [9; 260].

[23] Содержание договора не предполагало постоянного параллельного упоминания Михаила Федоровича и Густава Адольфа: [6], [11], [24].

[24] Мать Карла Густава Катарина Карлсдоттер Васа была сестрой Густава Адольфа, который, таким образом, приходился ему дядей по матери.

[25] Как отметили 23 декабря 1655 г. участники переговоров с российской стороны: «А в государеве имяноване и титлах свеиские послы не говоривали Беляя России и великого князя литовского и волынског[о], и подолского, и витебского, и мстисловского и многих государств и земель восточных и западных и северн[ых], отчика и дедича и наследника и государя и облаадателя. И бояре о

том послом выговарива[ли], для чего они, послы, царского величест[ва] в ыменоване и в титле многово не г[о]ворили» [7; 24]. См. о том же и в других документах этих российско-шведских переговоров: [7; 13, 20—21, 40, 41, 54—56 (введение С. Дальгрена к публикации материалов из Государственного архива Швеции), 75—77, 80—83, 88—89, 90—93, 97—98, 101, 103, 107, 109—110, 113—114, 117—118]. Об упомянутом титулатурном споре в контексте истории российской дипломатии 1650-х гг. см. прежде всего новейшие исследования: [38]; [50; 49—50] (в этой же работе см. ссылки на весьма богатую литературу о российско-шведских отношениях 1650-х гг. вообще). Об истории элементов, вошедших в царский титул в 1654 («всех Великая и Малая России/России») и 1655 («и Белая России / России») гг., см.: [55], [47] [37; 111—116].

[26] Кстати, в последнем случае (это шведский текст перемирия в составе ратификационной грамоты регентского правительства от 25 августа 1660 г.) по отношению к покойному королю Карлу Х Густаву не использованы ни формула «*sahlig i åminnelse*», ни формула «*högloflig i åminnelse*». Сказано только, что он был «велеможнейшим, высокорожденным князем и государем» и т. д. «прежде» (*fordom*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Кн. 14.
2. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 22.
3. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 23.
4. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 27.
5. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906. XXXVI, 214 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Собр. 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1 : 1649—1675. XXXI, 1029 с. (URL: <http://www.univers.ru/lib/book3130/9809/>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
7. Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. 579 с.
8. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке / ред. И. П. Шаскольский. М., 1981. Вып. 1. 187 с.
9. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века : сб. материалов, извлеченных из Московского главного архива министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616—1651 годах. М., 1897. X, 493 с.
10. Riksarkivet, Stockholm (RA). Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 7. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000023>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
11. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 8. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000599>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
12. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 9. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000607>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
13. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. E. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000630>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
14. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. G*. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000632>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
15. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. H*. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000633>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
16. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 13. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000640>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
17. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 19. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000652>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
18. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 20. (URL: <http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000655>, свободный. Дата обращения: 11.15.2013.)
19. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 36.
20. RA. Muscovitica. Vol. 69.
21. RA. Muscovitica. Vol. 72.

22. RA. *Diplomatica Muscovitica*. Vol. 633.
23. RA. *Diplomatica Muscovitica*. Vol. 634.
24. Contract emellan The Konglige Swenske Commissarier, och The Tzariske Sendebudh ifrå Ryszland om Öfwerlöpare. Som giord och uprättad bleff uthi Stockholm Den 19. Octobris, Anno 1649. Stockholm: Henrich Keyser, 1649. 14 s.
25. Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet: Dokument ur svenska arkiv. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien, 1978. XII, 299 s.
26. Ewigh Fredzfördragh Emillan Sverige och Ryszland. Oprättadt uppå Tractatz-Orten Kardis then 21 Dagh uthi Junij Månad Åhr 1661. Götheborg: Amund Grefwe, 1662. 28 s.
27. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar / Utg. av O. S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm: Norstedt, 1903. D. 5. H. 1. 1572—1632. 870 s.
28. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar / Utg. av C. Hallendorff. Stockholm; Leipzig; Paris: Norstedt, 1915. D. 6. Förra hälft. 1646—1648. 466 s.

ЛИТЕРАТУРА

29. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. : к истории формирования русской государственной символики. М., 2005. 462 с.
30. Агоштон М. Титул московского государя и информация о нем Сигизмунда Герберштейна // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. Вып. 12. С. 127—137.
31. Алеф Г. Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II // Из истории русской культуры / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. С. 591—609.
32. Водов В. Замечания о значении титула ‘царь’ применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Там же. С. 506—542.
33. Водов В. Титул ‘царь’ в северо-восточной Руси в 1440—1460 гг. и древнерусская литературная традиция // Там же. С. 543—553.
34. Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Там же. С. 554—590.
35. Илиева И. Й. Владетельский титул Московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI века) // Bulgarian historical review. 1984. № 2. Р. 75—87.
36. Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1956. Вып. 1. С. 101—117.
37. Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. 152 с.
38. Кобзарева Е. И. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655—1656 гг. / Е. И. Кобзарева, Г. М. Коваленко // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы 14-й ежегодной междунар. конф. СПб., 2013. С. 70—8.
39. Лакиер А. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 56. Отд. 2. № 10. С. 81—108; № 11. С. 109—156.
40. Назаров В. Д. Великий князь Московский: «господин» удельных князей или их «господарь»? : (полемические заметки) // Восточная Европа в древности и Средневековье : автор и его источник : восприятие, отношение, интерпретация : XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 14—17 апреля 2009 г. : материалы конф. М., 2009. С. 236—243.
41. Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. 431 с.
42. Пчелов Е. В. «...И вся Северные страны повелитель» : элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // Гербовед. 2006. № 90. С. 113—119.
43. Пчелов Е. В. Образы Сибири в символике власти дореволюционной России // Сибирские чтения в РГГУ : альманах. Вып. 2. М., 2007. С. 78—121. (URL: http://www2.rsuh.ru/binary/61682_83.1202300321.14217.pdf, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)
44. Пчелов Е. В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI — начала XX века. Нальчик, 2007. 86 с.
45. Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX Междунар. науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 121—136. (URL: <http://kogni.ru/text/titul.pdf>, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

46. Пчелов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // *Российская история*. 2010. № 1. С. 3—16.
47. Соловьёв А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. С. 479—495.
48. Толстиков А. В. Честь покойного монарха как предмет дипломатического спора : эпизод из истории шведско-русских отношений // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII века : Третья междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве», посв. 200-летию музеев Московского Кремля, 19—21 окт. 2006 г. : тезисы докл. М., 2006. С. 129—132.
49. Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М. ; СПб., 2006. 255 с.
50. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М., 2010. 656 с.
51. Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал министерства народного просвещения. 1891. № 6. С. 348—375.
52. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1894. Т. 2 : Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). VIII, 630 с.
53. Хорошкевич А. Л. Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в велиkokняжеской и царской титулатуре XVI в. // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden, 2004. S. 102—127.
54. Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. 316 с.
55. Белы А. Хроніка «Белай Русі»: Нарис гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. 238 с.
56. Eng T. Det svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 484 s.

REFERENCES

ARCHIVAL AND PRINTED PRIMARY SOURCES

1. Russian State Archives of Ancient Acts (RSAA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. RGADA]. Fund 96. Opis' 1. Kniga 14.
2. RSAA. Fund 96. Opis' 1. Kniga 22.
3. RSAA. Fund 96. Opis' 1. Kniga 23.
4. RSAA. Fund 96. Opis' 1. Kniga 27.
5. Kotoshikhin G.K. On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich: Writing by Grigoriy Kotoshikhin [O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha: Sochinenie Grigoriya Kotoshikina]. 4th ed. Saint-Petersburg, 1906. XXXVI, 214 p.
6. Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii]. Saint-Petersburg, 1830. Collection 1. Since 1649 until December 12, 1825 [Sobranie 1. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda]. Vol. 1. XXXI, 1029 p. (<http://www.runivers.ru/lib/book3130/9809/>). Accessed 15.11.2013.
7. Russian and Ukrainian Diplomacy in the European International Relations in the Middle of the 17th Century [Russkaya i ukrainskaya diplomatiya v mezhdunarodnykh otnosheniakh v Evrope serediny XVII v.]. Moscow, 2007. 579 p.
8. Economic Relations between Russia and Sweden in the 17th Century [Ekonomicheskie svyazi mezhdu Rossiey i Shvetsiey v XVII veke], ed. by I.P. Shaskol'skiy. Moscow, 1981. Issue 1. 187 p.
9. Yakubov K.I. Russia and Sweden in the First Half of the 17th Century: Collection of Materials Extracted from the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs and the Swedish State Archives, and Pertaining to the History of Mutual Relations of Russia and Sweden in 1616—1651 [Rossiya i Shvetsiya v pervoy polovine XVII veka: Sbornik materialov, izvlechennykh iz Moskovskogo glavnogo arkhiva ministerstva inostrannykh del i Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva i kasayushchikhsya istorii vzaimnykh otnosheniy Rossii i Shvetsii v 1616—1651 godakh]. Moscow, 1897. X, 493 p.
10. Riksarkivet, Stockholm (RA). Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 7. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000023>). Accessed 15.11.2013.
11. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 8. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000599>). Accessed 15.11.2013.
12. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 9. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000607>). Accessed 15.11.2013.

13. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. E. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000630>). Accessed 15.11.2013.
14. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. G*. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000632>). Accessed 15.11.2013.
15. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. H*. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000633>). Accessed 15.11.2013.
16. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 13. C. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000640>). Accessed 15.11.2013.
17. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 19. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000652>). Accessed 15.11.2013.
18. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 20. (<http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000655>). Accessed 11.15.2013.
19. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 36.
20. RA. Muscovitica. Vol. 69.
21. RA. Muscovitica. Vol. 72.
22. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 633.
23. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 634.
24. Contract emellan The Konglige Swenske Commissarier, och The Tzariske Sendebudh ifrån Ryszland om Öfwerlöpare. Som giord och upprättad bleff uthi Stockholm Den 19. Octobris, Anno 1649. Stockholm, 1649. 14 p.
25. Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet: Dokument ur svenska arkiv. Stockholm, 1978. XII, 299 p.
26. Ewigh Fredzfördragh Emillan Sverige och Ryszland. Oprättadt uppå Tractatz-Orten Kardis then 21 Dagh uthi Junij Månadet Åhr 1661. Götheborg, 1662. 28 p.
27. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar, ed. by O. S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm, 1903. D. 5. H. 1. 1572—1632. 870 p.
28. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar, ed. by C. Hallendorff. Stockholm-Leipzig-Paris, 1915. D. 6. Första hälf. 1646—1648. 466 p.

SECONDARY SOURCES

29. Agoston M. [Ágoston M.] The Grand Prince's Seal of 1497: On the History of Formation of the Russian State Symbols [Velikoknjazheskaya pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniya russkoy gosudarstvennoy simvoliki]. Moscow, 2005. 462 p.
30. Agoston M. [Ágoston M.] Moscow Sovereign's Title and Sigismund von Herberstein's Information on It [Titul moskovskogo gosudarja i informatsiya o nyem Sigizmunda Gerbershteyna]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations]. 2007. Issue 12. P. 127—137.
31. Alef G. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II [Politicheskoye znachenie nadpisey na moskovskikh monetakh epokhi Vasiliya II]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus' [Kievskaya i Moskovskaya Rus']. P. 591—609.
32. Vodoff V. Remarks on Meaning of the Title 'Tsar' as Applied to Russian Princes before the Middle of the 15th Century [Zamechaniya o znachenii titula 'tsar' primenitel'no k russkim knyaz'yam v epokhu do serediny XV veka]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A.F. Litvina, F.B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus' [Kievskaya i Moskovskaya Rus']. P. 506—542.
33. Vodoff V. Title 'Tsar' in North-East Russia in 1440—1460 and Old Russian Literary tradition [Titul 'tsar' v severo-vostochnoy Rusi v 1440—1460 gg. i drevnerusskaya literaturnaya traditsiya]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus' [Kievskaya i Moskovskaya Rus']. P. 543—553.
34. Zoltán A. On Prehistory of the Russian gosudar' [K predystorii russk. «gosudar'»]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A.F. Litvina, F.B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus' [Kievskaya i Moskovskaya Rus']. P. 554—590.
35. Ilieva I. Y. Proprietary Title of Moscovite Grand Princes (Since the Middle of the 15th until the First Quarter of the 16th Century) [Vladetel'skiy titul Moskovskikh velikikh knyazey (s serediny XV —do pervoy

chetverti XVI veka)]. Bulgarian historical review, 1984, N 2. P. 75—87.

36. Kan A. S. Stockholm Treaty of 1649 [Stokhol'mskiy dogovor 1649 g.]. Skandinavskiy sbornik [Scandinavian Digest]. Tallinn, 1956. Issue 1. P. 101—117.

37. Kloss B. M. On the Origins of the Name ‘Rossiya’ [O proiskhozhdenii nazvaniya «Rossiya»]. Moscow, 2012. 152 p.

38. Kobzareva E. I., Kovalenko G. M. Diplomatic Etiquette and Dialog under Circumstances of War Preparation and Break of Diplomatic Relations: Swedish Embassy in Moscow, 1655—1656 [Diplomaticheskiy etiket i dialog v usloviyakh podgotovki k voynie i razryva diplomaticeskikh otnosheniy: shvedskoe posol'stvo v Moskve v 1655—1656 gg.]. Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy: Materialy Chetyrnadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii [Saint-Petersburg and the Nordic Countries: Papers of the 14th Annual International Conference]. Saint-Petersburg, 2013. P. 70—78.

39. Lakier A. History of the Title of Russian Sovereigns [Istoriya titula gosudarey Rossii]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of People's Education]. 1847. Vol. LVI, Section II, № 10. P. 81—108; № 11. P. 109—156.

40. Nazarov V. D. The Grand Prince of Moscow: Gospodin over Apanage Princes or their Gospodar? (Polemic Notice) [Velikiy knyaz' Moskovskiy: «gospodin» udel'nykh knyazey ili ikh «gospodar'»? (polemicheskie zameтки)]. Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e: Avtor i ego istochnik: vospriyatie, otnoshenie, interpretatsiya: XXI Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 14—17 aprelya 2009 g.: Materialy konferentsii [Eastern Europe in Ancient Times and the Middle Ages: The Author and his Source: Perception, Attitude, Interpretation: The 21st Readings in Memory of the Corresponding member of the Soviet Academy of Sciences Vladimir Terent'evich Pashuto. Moscow, April 14—17, 2009: Papers of the Conference]. Moscow, 2009. P. 236—243.

41. Oparina T. A. Ivan Nasedka and Polemic Theology of the Kievan Metropolitanate [Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoy mitropolii]. Novosibirsk, 1998. 431 p.

42. Pchelov E. V. ‘...And the Master of All the Northern Climes’: An Element of the Tsar Title and its Heraldic ‘Embodyment’[«...I vseya Severnye strany povelitel'»]: element tsarskogo titula i ego geral'dicheskoe «voploschchenie». Gerboved [Heraldist]. N 90. Moscow, 2006. P. 113—119.

43. Pchelov E. V. Images of Siberia in the Symbols of Power of Prerevolutionary Russia [Obrazy Sibiri v simvolike vlasti dorevolyutsionnoy Rossii]. Sibirskie chteniya v RGGU: Al'manakh [Siberian Readings at RGGU: Yearbook]. Issue 2. Moscow, 2007. P. 78—121. (http://www2.rsuh.ru/binary/61682_83.1202300321.14217.pdf). Accessed 15.11.2013.

44. Pchelov E. V. Kabardian Land in the Tsar Title and Russian State Heraldry of the 16th — early 20th Century [Kabardinskaya zemlya v tsarskom titule i russkoy gosudarstvennoy geral'dike XVI — nachala XX veka.]. Nalchik, 2007. 86 p.

45. Pchelov E. V. The Object Title of Russian Sovereigns: Features of the Structure and Formation Principles [Ob"ektnyy titul russkikh gosudarey: osobennosti struktury i printsipy formirovaniya]. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: Materialy XX Mezdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Auxiliary Historical Disciplines — Source Studies — Methodology of History within the System of Humanities: Papers of the 20th International Scholar Conference]. Moscow, 2008. Vol. 1. P. 121—136. (<http://kogni.ru/text/titul.pdf>). Accessed 15.11.2013.

46. Pchelov E. V. The Territorial Title of Russian Sovereigns: Features of the Structure and Formation Principles [Territorial'nyy titul rossiyskikh gosudarey: struktura i printsipy formirovaniya]. Rossiyskaya istoriya [Russian History]. 2010. № 1. P. 3—16

47. Solov'ev A. V. Great, Little and White Rus' [Velikaya, Malaya i Belyaia Rus']. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus' [Kievskaya i Moskovskaya Rus']. P. 479—495.

48. Tolstikov A. V. Deceased Monarch's Honour as the Subject of Diplomatic Dispute: an Episode of the Russo-Swedish Relations [Chest' pokojnogo monarkha kak predmet diplomaticeskogo spora: epizod iz istorii shvedsko-russkikh otnosheniy]. Repräsentatsiya vlasti v posol'skom tseremoniale i diplomaticheskiy dialog v XV — pervoy treti XVIII veka: Tret'ya mezdunarodnaya nauchnaya konferentsiya tsikla «Inozemtsy v Moskovskom gosudarstve», posvyashchennaya 200-letiyu Muzeev Moskovskogo Kremla. 19—21 oktyabrya 2006 goda: Tezisy dokladov [Power Representation in Embassy Ceremonial and Diplomatic Dialog in the 15th — the First Quarter of the 18th Century: The Third Annual Scholar Conference in the Series “Foreigners in Muscovite State” devoted to the 200th Anniversary of the Moscow Kremlin Museums. October 19-21, 2006: Paper Abstracts]. Moscow, 2006. P. 129—132.

49. Filyushkin A. I. The Titles of Russian Sovereigns [Tiluly russkikh gosudarey].

Moscow—Saint-Petersburg, 2006. 255 p.

50. Florya B. N. Russian State and its Western Neighbours (1655—1661) [Russkoye gosudarstvo i ego zapadnye sosedи (1655—1661 gg.)]. Moscow, 2010. 656 p.

51. Forsten G. V. Sweden's Relations with Russia during the Reign of Christina [Snosheniya Shvetsii s Rossiey v tsarstvovanie Khristiny]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of People's Education. 1891. N 6. P. 348—375.

52. Forsten G. V. The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544—1648) [Baltiyskiy vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544—1648)]. Saint-Petersburg, 1894. Vol. 2. Sweden's Struggle against Poland and the Habsburg House (the Thirty Years War) [Bor'ba Shvetsii s Pol'shey i Gabsburgskim domom (30-letnyaya voyna)]. VIII, 630 p.

53. Khoroshkevich A. L. Reflections of the Idea of the Regions of the State of All Russia and the Russian Tsardom in the 16th Century Tsar Titulature [Otrazhenie predstavleniy o regionakh gosudarstva vseya Rusi i Rossiyskogo tsarstva v velikoknyazheskoy i tsarskoy titulature XVI v.]. Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. P. 102—127.

54. Shaskol'skiy I. P. Economic Relations of Russia and the Swedish State in the 17th Century [Ekonomicheskie otnosheniya Rossii i Shvedskogo gosudarstva v XVII veke]. Saint-Petersburg, 1998. 316 p.

55. Bely A. Chronicle of the White Rus': An Outline of the History of a Place Name [Khronika "Belay Rusi": Narys gistoriyi adnoy geografichnay nazvy]. Minsk, 2000. 238 p.

56. Eng T. Det svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala, 2001. 484 p.

Deceased monarch's honour as the subject of diplomatic dispute: an episode of the 17th century russo-swedish relations

**TOLSTIKOV
Aleksandr**

*PhD in History,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Faculty of History,
Department for Nordic History,
Petrozavodsk, a_tolstikov@mail.ru*

Keywords:

Russia
Sweden
17th century
diplomacy
disputes over sovereigns' titles

Summary:

The article deals with one aspect of the problem of sovereigns' titles in diplomatic relations between Russia and Sweden in the 1640s—1650s — a dispute over appropriateness of using the formula "of blessed memory" (*blazhennye pamyati* in Russian, *Sahlig uthi åminnelse* in Swedish) in official documents exclusively with the names of deceased Russian Orthodox tsars (in this case — of late Michael Fedorovich). The Russian diplomats insisted on it and could only accept using with the names of deceased Swedish kings (Gustav II Adolf) the calques "of highly praised memory" (*vysokoslavnye pamyati*, *Höglöflig uthi åminnelse*) or "of the glory-worthiest memory" (*slavy dostoineishii pamyati*, *Glorwärdigst uthi åminnelse*). The process of negotiations is traced and argumentation strategies of both parties are analyzed. It is shown that while the Russians tried in all ways to secure symbolic superiority, and thereby the exclusive right to posthumous eternal bliss of their own monarchs, the Swedes' strategy consisted in defending formal parity in relations with the Eastern neighbor.